

А. Д. Таиров

**ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС IV В. ДО Н. Э.
И СМЕНА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
КОЧЕВНИКАМИ ЮЖНОГО УРАЛА***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-61-69

УДК 903.5(450.5)“638”

ББК 63.442.7(235.55)

Одной из форм адаптации социума к внешним условиям является политико-экономическая стратегия, неосознанно или осознанно принятая в обществе. Во всех типах обществ, от государств до групп, и на разных уровнях социальной интеграции (от домохозяйств и выше) можно наблюдать две основные политико-экономические стратегии — сетевую и корпоративную. Но в конкретных исторических условиях может доминировать только одна из них. Политико-экономическая стратегия, принятая в обществе, достаточно отчетливо отражается в погребальной обрядности социума. Археологическими показателями сетевой стратегии являются одномогильные курганы, монументальные погребальные сооружения, пышный погребальный обряд, богатство погребального инвентаря, включающего большое количество драгоценных предметов, значительное число «жреческих» погребений различного ранга. Показателями корпоративной стратегии являются курганы-кладбища, отсутствие крупных погребальных сооружений, простота и стандартизация погребальных конструкций, обряда и инвентаря. Основные усилия социума направляются на строительство монументальных публичных сооружений, прежде всего святилищ и храмов, символизирующих объединение в целом. Кардинальные изменения в погребальной обрядности могут отражать смену политико-экономической стратегии. Трансформация погребальной обрядности кочевников Южного Урала, которая происходила в раннесарматское время, фиксирует смену политико-экономической стратегии. Переход от сетевой стратегии, которая доминировала во второй половине VI — конце V в. до н. э., к корпоративной завершается в конце IV — начале III в. до н. э. Смена политико-экономической стратегии была обусловлена значительно возросшей нестабильностью общества в период экологического кризиса IV в. до н. э., вызванного резкой аридизацией.

Ключевые слова: *Южный Урал, ранние кочевники, политико-экономическая стратегия, погребальный обряд*

На Южном Урале IV в. до н. э. — это время массовых переселений как внутри региона, так и за его пределы. Время значительных трансформаций в погребальной обрядности, что выразилось в постепенном исчезновении традиции сооружения крупных курганов, сложных надмогильных, подкурганых и околокурганых конструкций, значительных по размерам могильных ям, в том числе обширных могильных ям с дромосом, уменьшении количества жертвенных животных. Одновременно распространяются многомогильные курганы-кладбища и впускные захоронения в насы-

пи более ранних погребальных сооружений, начинают преобладать небольшие по объему могильные ямы различного типа, происходит определенная стандартизация погребального обряда и инвентаря. Спусковым механизмом этих и других перемен как в материальной, так и в духовной культуре является, скорее всего, природно-климатический кризис IV в. до н. э. Он вызвал изменение этнополитической ситуации в регионе, приведшее в итоге к смене южноуральскими номадами своей политико-экономической стратегии.

Климат и этнокультурные трансформации

По имеющимся данным, в северной части Евразии на середину I тыс. до н. э. (650–280 гг. до н. э.) приходится самое сильное похолодание за последние 5 000 лет. За период с середины I тыс. до н. э. до середины VII в. н. э. наиболее низкие температуры отмечались в первой половине V в. до н. э. Наиболее крупное потепление в этот период приходится на конец V — середину IV в. до н. э. На рубеже V–IV вв.

Таиров Александр Дмитриевич — д.и.н., директор, Научно-образовательный центр евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет) (г. Челябинск)
E-mail: tairov55@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00205 «Культура и общество ранних кочевников Южного Зауралья (по материалам могильника Кичигино I)» (рук. А. Д. Таиров)

до н. э. потепление прерывается коротким, но интенсивным похолоданием. Наиболее высокие температуры за период с середины I тыс. до н. э. до середины VII в. н. э. отмечались в IV в. до н. э. и на рубеже II–III вв. н. э.¹ Согласно данным В. В. Клименко и В. А. Климанова, похолодание ранней субатлантической эпохи можно характеризовать как ассиметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания разделены кратковременным потеплением, произошедшим между 450 и 380 гг. до н. э.²

Резкая аридизация конца V — начала IV в. до н. э. в зауральской степи ознаменовала начало эпохи экологического кризиса на Южном Урале, который продолжался до II–III вв. н. э.³ Количество атмосферных осадков в степном Зауралье резко уменьшается (примерно до начала новой эры их было на 50 мм меньше, чем в настоящее время), что приводит к значительному падению продуктивности пастбищ и, как следствие, обострению демографической ситуации в Южном Зауралье — перенаселенности. Это в конечном счете предопределило массовое передвижение в самом начале IV в. до н. э. части зауральских кочевников на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, так как начавшийся здесь в IV в. до н. э. процесс аридизации протекал более плавно и был менее выражен.⁴ Постепенно затухая, переселения продолжались на протяжении всего IV в. до н. э., захватывая в дальнейшем и лесостепное Приуралье. Очередной массовый отток южнозауральских номадов

в Южное Приуралье произошел, судя по имеющимся данным, в последней четверти IV в. до н. э. Причиной его были продолжающееся ухудшение экологической обстановки в степной зоне Зауралья и, в более значительной степени, нестабильная политическая ситуация на южных границах их расселения по Нижней и Средней Сырдарье, связанная со среднеазиатским походом Александра Македонского и последовавшими за этим изменениями в кочевом мире.⁵

Пришедшие в Южное Приуралье зауральские номады восприняли существующую здесь систему ведения скотоводческого хозяйства, которая в наибольшей степени соответствовала природным условиям региона. Таким образом, пути их сезонных перекочевков неизбежно должны были совпадать с таковыми у южноприуральских кочевников предшествующего времени, с «сарматским кочевым циклом».⁶ Как отмечал Н. Э. Масанов, система материального производства местного субстрата в кочевых обществах практически не была подвержена воздействию извне и являлась сильнейшим доминантным фактором, способствовавшим ассимиляции мигрантов.⁷ Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать и погребения прохоровского времени на Устьюрте, месте зимних пастбищ части приуральских кочевников.⁸ Особенно явственным присутствие южноуральских кочевников на Устьюрте становится с начала IV в. до н. э., что, очевидно, связано не только с политическими событиями на южной границе кочевого мира в Приуралье

¹ См.: Клименко В. В. Климат и история в эпоху первых высоких культур (3 500–500 гг. до н. э.) // Восток (Oriens). 1998. № 4. Рис. 1; Он же. Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток (Oriens). 2000. № 1. С. 9–24. Рис. 1.

² См.: Клименко В. В., Климанов В. А. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии // Доклады Академии наук. 2003. Т. 391. № 3. С. 393.

³ См.: Иванов И. В. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов: тезисы докл. Междунар. конф. Волгоград, 1994. С. 85–87; Иванов И. В., Чернянский С. С. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. 1996. № 9. С. 1045–1055.

⁴ См.: Демкин В. А., Рысков Я. Г. О палеопочвенном обследовании курганных групп Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1. С. 57, 67; Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (IV в. до н. э. — IV в. н. э.) / Демкин В. А. [и др.]. Пушино, 2012. С. 171; Рысков Я. Г. Реконструкция истории развития почв и природной среды степного Предуралья в голоцене (с использованием методов геохимии стабильных изотопов): автореф. дис. ... канд. биол. наук. Пушино, 1996. С. 19; Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. С. 32–36.

⁵ См.: Таиров А. Д. Кочевники Южного Зауралья и «сарматы» Средней Азии // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, 2014. С. 226, 227. (Уфим. археол. вестн. Вып. 14); Он же. Кочевники Южного Урала в Центральной Азии во времена Александра Македонского // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь, 2019. Т. 5. С. 267–271.

⁶ См.: Ягодин В. Н. Хорезм и ранние кочевники Устьюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана: тезисы докл. Всесоюз. науч. совещ. Ташкент, 1979. С. 37; Он же. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернйяз на Устьюрте // Археология Приуралья. Ташкент, 1982. Вып. 1. С. 78.

⁷ См.: Масанов Н. Э. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестн. АН Казахской ССР. 1987. № 8. С. 29.

⁸ См.: Ягодин В. Н. Археологическое изучение... С. 39–81; Он же. Стреловидные планировки Устьюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приуралья. Ташкент, 1991. Вып. 5. С. 128; Он же. К вопросу о «савроматской» миграции VI–V веков до нашей эры на юго-восточный Устьюрт // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 178–193.

и, прежде всего, в Хорезме,⁹ но и с природными условиями Устюрта и прилегающих к нему территорий.

Согласно данным Е. В. Глушко, в середине I тыс. до н. э. в условиях пониженных среднеиюльских температур и повышенной влажности в районе Присарыкамышской дельты Амударьи господствовали лесные тугайные сообщества.¹⁰ На прилегающих же пространствах Устюрта сформировались луго-степные и степные сообщества на плодородных каштановых почвах с близким залеганием грунтовых вод. В Присарыкамышье, пустынях Каракумы и Кызылкумы, на плато Устюрт, в солончаках Барса-Кельмес функционировали системы проточных озер.¹¹

Приход в Южное Приуралье южнозауральских номадов, включавших в свой состав часть зауральского лесостепного, прежде всего горховского, населения,¹² обусловил рост с середины IV в. до н. э. числа кочевников, обитающих летом в степях Приуралья, а зимующих на Устюрте и Мангышлаке. Аридизация, начавшаяся в Южном Приуралье в IV в. до н. э., приводила к концентрации в летний период кочевого населения в наиболее благоприятных для скотоводства районах. Это, в свою очередь, вело к усилению антропогенного воздействия на пастбища и, как следствие, к их дигрессии.¹³ Выходом из сложившейся ситуации стал отток части приуральского кочевого

населения не только в Нижнее Поволжье,¹⁴ но и в глубь Устюрта и Мангышлака, что привело к резкому росту постоянно обитающего здесь кочевого населения. В конце IV в. до н. э. или на рубеже IV–III вв. до н. э. на Устюрте, в левобережном Хорезме, в Прикарабагазье появляются крупные могильники с захоронениями в подбоях, катакомбах и простых грунтовых ямах с меридиональной ориентировкой погребенных.¹⁵

Как уже отмечалось нами ранее,¹⁶ усиление южноуральских кочевников и возрастание их политического влияния в Центральной Азии привело к тому, что они стали почти полными хозяевами Арало-Каспийского междуморья, которые уже не опасались, как это было ранее, за свои родовые могильники и святилища. Данное обстоятельство определило появление на Устюрте святилищ байтинского типа, включающих, помимо курганов, культовые сооружения в виде выкладок, жертвенников и настоящих каменных «храмов», а также многочисленные антропоморфные изваяния. Святилища эти носили ярко выраженный воинский характер и были, несомненно, связаны с культом героизированных предков и военных вождей.¹⁷ В это же время в степях Южного Приуралья возникают крупные грунтовые кольцевые сооружения, также трактуемые как святилища.¹⁸ Появление

⁹ См.: Таиров А. Д. Кочевники Арало-Каспия и Хорезм в V–IV вв. до н. э. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2005. № 1 (5). С. 53–63.

¹⁰ По мнению И. В. Иванова, увлажнение в Южном Приуралье было больше современной нормы для сухих степей на 20–50 мм в год (см.: Иванов И. В. Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса севера Евразии в голоцене // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. М., 2006. С. 8. Рис. 2).

¹¹ См.: Глушко Е. В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приуралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4. С. 30–35.

¹² Что, в частности, подтверждается анализом изотопного состава кислорода фосфатов костей человека из могильника Покровка на Илеке (см.: Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М., 2002. С. 113, 119).

¹³ См.: Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А. Использование методов палеопочвоведения при изучении курганных могильников Илекской экспедицией на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. 3. С. 224, 225; Гольева А. А., Хохлова О. С. Антропогенная нарушенность почв под курганами ранних кочевников // Известия РАН. Сер. географическая. 2004. № 1. С. 84–86; Они же. Особенности почв, погребенных под курганами на юге Оренбургской области (по данным биоморфного анализа) // Почвоведение. 2004. № 4. С. 419–422.

¹⁴ См.: Клепиков В. М. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2007. Вып. 2. С. 40–42.

¹⁵ См.: Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1999. С. 241–249.

¹⁶ См.: Таиров А. Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V–IV в. до н. э. // РА. 2006. № 1. С. 74, 75.

¹⁷ См.: Ольховский В. С., Галкин Л. Л. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. 1990. № 4. С. 205; Ольховский В. С. Древние святилища Устюрта: контакт и конфликт культур // Наука в России. 1997. № 6. С. 72–74; Он же. Каменные храмы Устюрта // Наука в России. 1999. № 4. С. 70, 74, 76; Храм-святилище Кызылуик / Самашев З. [и др.]. Астана, 2011. Следует подчеркнуть, что наиболее ранние антропоморфные изваяния Устюрта по своему предметному репертуару и иконографическим особенностям наиболее близки южноуральским антропоморфам савромато-сарматского времени (см.: Гуцалов С. Ю. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века Южного Урала и Устюрта // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: материалы межрегион. науч. конф. Уфа, 2001. С. 22–25; Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 161–164).

¹⁸ См.: Смирнов К. Ф., Попов С. А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 210–216; Мошкова М. Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 196–201; Гуцалов С. Ю. Культовый комплекс на горе

тех и других святилищ связано, на наш взгляд, с теми изменениями, которые произошли на Южном Урале в IV в. до н. э.

Политико-экономические стратегии

В конце VI–V в. до н. э. на территории степей Южного Урала существовало крупное этнопотестарное объединение кочевников с иерархической структурой. Для него была характерна значительная степень социальной дифференциации, что находило отражение в системе погребальной обрядности. Своего расцвета объединение достигло, вероятно, в конце V — самом начале IV в. до н. э. Именно в это время появляются такие грандиозные сооружения, как «царские» Филипповские курганы.¹⁹ Однако начавшиеся в это же время деструктивные процессы, связанные с изменением климатических условий в степях Южного Урала, миграцией части южнозауральских племен в Южное Приуралье, оттоком южноуральского кочевого населения за пределы региона, приводят во второй половине IV в. до н. э. к окончательному распаду этого объединения. Произошедшие изменения в обществе фиксируются трансформациями в погребальной обрядности и прежде всего в тех ее элементах, которые связаны с координацией действий значительных масс людей и использованием большого количества материальных ценностей. Перестают сооружаться сложные надмогильные, подкурганые и околокурганые конструкции, исчезают большие квадратные и дромосные могилы, уменьшается количество животных, используемых для тризн и жертвоприношений. Получает широкое распространение традиция многомогильных курганов-кладбищ, а также впускных погребений в насыпи курганов предшествующего времени.²⁰ Происходит и определенная унификация

погребальной обрядности.²¹ Все это позволяет предполагать переход южноуральских кочевников от сетевой политико-экономической стратегии, которая доминировала во второй половине VI — конце V в. до н. э., к корпоративной, надолго утвердившейся в степи с конца IV в. до н. э.

Основные характеристики сетевой и корпоративной политико-экономических стратегий даны в работах Г. Фэйнмана, Р. Блэнтонна, С. Ковалевски, П. Перегринна.²²

Под политико-экономическими стратегиями подразумевается «деятельность людей, исполняющих важные социальные роли, определяемые статусами». Под исполнителями социальных ролей имеются в виду субъекты, «действующие в том или ином качестве / наборе качеств для достижения целей, определенных статусом рассматриваемых субъектов. То, каким образом деятели используют людей и ресурсы для достижения той или иной цели, является в высшей степени творческим и вместе с тем обычно ограниченным в степенях своей свободы процессом».²³

Сетевые политико-экономические стратегии «наращивают власть эксклюзивно, внутри субгрупп (десцентных или субэтнических) часто с индивидуализирующим акцентом. Власть концентрируется путем обмена ценностей через границы разных социальных групп. Упор делается на проницаемость границ, обмен престижными товарами, концентрацию богатств, соперничество в распределении рабочей силы, патриархальность и детализирующие идеологии».²⁴ Существует заметное имущественное неравенство, жилища и гробницы элиты намного больше, чем у основной массы населения, а накопленные ею богатства

Жилантау // Уфим. археол. вестн. 1998. Вып. 1. С. 138–151; Моргунова Н. Л., Купцов Е. А. Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у поселка Переволоцкий (предварительные результаты) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Челябинск, 2017. С. 80–85; Они же. Кольцевое святилище сарматской культуры у поселка Переволоцкий // «Евразийский перекресток»: сб. материалов науч.-практ. мероприятий. Оренбург; Бишкек, 2018. Вып. 9. С. 19–29.

¹⁹ См.: Пшеничнюк А. Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012; Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. М., 2013. Кн. 1.; Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: каталог. Уфа, 2018.

²⁰ См.: Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., Хохлов А. А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысяче-

летия до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1. С. 79, 80.

²¹ См.: Железчиков Б. Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М., 1997. Вып. 2. С. 96.

²² См.: Feinman G. M. The Emergence of Inequality. A Focus on Strategies and Processes // Foundations of Social Inequality. New York, 1995. P. 255–279; Idem. Corporate/Network. New Perspectives on Models of Political Action and the Puebloan Southwest // Social Theory in Archaeology. Salt Lake City, 2000. P. 31–51; A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization / Blanton R. E. [et al.], // Current Anthropology. 1996. Vol. 37, № 1. P. 1–14; Ковалевски С. Циклические трансформации в североамериканской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 171–185.

²³ Ковалевски С. Указ. соч. С. 175.

²⁴ См.: Там же. С. 171.

после смерти владельца помещаются в его захоронение. Важную роль в накоплении богатства играет внешний обмен, при этом упор делается не на предметы повседневного спроса, а на небольшое количество особо ценных изделий, часть которых предназначается для изысканного личного украшения. Приобретенные ценности используются для усиления личной власти и увеличения количества своих сторонников. Сетевые иерархии определяются как социальные структуры, в которых несколько центральных лиц осуществляют интеграцию и контроль над большей частью населения.

В целом при сетевой стратегии наибольшее значение придается индивидуальному престижу, накоплению богатства и власти, возвышению элиты, сложности и богатству ее захоронений, высоко индивидуализированному руководству, линейным моделям наследования, обмену на большие расстояния, накоплению престижных («экзотических») изделий. Общинные ритуалы и общественное строительство играют незначительную роль.²⁵ «Идеологические системы в основном частные, локализирующие, с множественными культурами».²⁶

При корпоративной политико-экономической стратегии «деятели сосредотачивают людей и ресурсы внутри самих социумов, подчеркивая коллективную принадлежность, концентрируя трудовые усилия людей... направляя их на производство общих запасов пищевых продуктов. Корпоративные стратегии строят политико-экономическую власть коллективно, и власть может быть рассредоточенной или идеологически анонимной. Подчеркивается теоретическая эгалитарность».²⁷ Корпоративная политико-экономическая стратегия придает большее значение не доступу к личному богатству, а совместной деятельности и групповым ритуалам, которые связывают социальные и территориальные группы населения. Корпоративные иерархии, в отличие от сетевых, характеризуются большим разделением власти, большей обезличенностью правления и меньшим выставлением напоказ богатства. Для этой стратегии характерен коллективный труд по созданию монументальных общественных пространств, в то время как индивидуальная демонстрация личного богат-

ства редка. Хотя неравенство существовало, архитектура поселений и погребальных сооружений демонстрирует формальное упрощение и стандартизацию. Основной акцент делается на производство обычных основных продуктов труда, базовых пищевых продуктов, централизованное распределение рабочей силы, ритуалы с большим количеством участников.²⁸ «Ритуалы, как правило, подчеркивают момент общего участия и направлены на объединение индивидуумов и групп в единое целое. Космология имеет универсализирующий характер». Последнее проявляется в строительстве монументальных сооружений (храмов, святилищ и т. п.) для коллективных ритуалов. Средства символической коммуникации отличает тенденция к канонизации, повторению широко распространенных стандартов. Подчеркивается важность родственной принадлежности, а также корпоративная солидарность общества как интегрированного целого, основанного на естественной, фиксированной и неизменной взаимозависимости между различными группами населения, между правителями и подданными.²⁹

Таким образом, в корпоративной стратегии делается упор на общинный ритуал, общественное строительство, производство продуктов питания, большие совместные трудовые задачи. При этой стратегии социальные сегменты сплетены вместе с помощью широких интеграционных ритуалов и идеологических средств. В отличие от этого, сетевая стратегия придает наибольшее значение личному престижу, богатству, накоплению власти, возвышению элиты, высоко индивидуализированному руководству, линейным моделям наследования, личным сетям, обмену на большие расстояния, экзотическому богатству, пышным захоронениям, специализированному производству статусных поделок.³⁰

Вкратце различия сетевой и корпоративной стратегий можно представить в виде противопоставления ряда их основных характеристик: концентрация богатства — большее распределение богатства; показная пышность элиты — символы власти; погребения правителей —

²⁵ См.: Feinman G. M. The Emergence of Inequality... P. 266–268; Idem. Corporate/Network. New Perspectives... P. 36–38.

²⁶ Ковалевски С. Указ. соч. С. 176.

²⁷ Там же. С. 175.

²⁸ См.: Feinman G. M. The Emergence of Inequality... P. 266–268; Idem. Corporate/Network. New Perspectives... P. 36–38;

²⁹ См.: Ковалевски С. Указ. соч. С. 175, 176; см. также: Feinman G. M. The Emergence of Inequality... P. 265–268; Idem. Corporate/Network. New Perspectives... P. 34–38; A Dual-Processual Theory... P. 5–7.

³⁰ См.: Feinman G. M. Corporate/Network. New Perspectives... P. 38.

монументальные ритуальные пространства; индивидуальная власть — разделение власти; престижное потребление — более умеренное накопление; контроль за престижными предметами — контроль над знанием; линейная родовая система — сегментарная организация; персональное прославление — общинные культы.³¹

Следует заметить, что корпоративные и сетевые стратегии не следует рассматривать как взаимоисключающие или неперекрывающиеся. Оба этих вида стратегий можно найти во всех типах обществ, от государств до групп, и на разных уровнях социальной интеграции (от домохозяйств и выше). Но только одна из них может быть доминирующей в конкретных условиях, а их относительная значимость может меняться в одном регионе с течением времени.³²

Археологическим показателем сетевой политико-экономической стратегии являются одномогильные, как правило, курганы, не содержащие других близких по времени захоронений; монументальные погребальные сооружения со сложными подкурганскими и околокурганскими конструкциями; сложный и пышный погребальный обряд; богатый погребальный инвентарь, включающий большое количество драгоценных, прежде всего импортных предметов. Культы индивидуализированы, что фиксируется по наличию значительного числа «жреческих» погребений различного ранга.

Показателем корпоративной политико-экономической стратегии являются многомогильные, как правило, курганы (курганы-кладбища), содержащие другие близкие по времени

захоронения; отсутствие крупных погребальных сооружений; простота и стандартизация погребальных конструкций, обряда и инвентаря.³³ Основные усилия социума направляются на строительство монументальных публичных сооружений, прежде всего святилищ и храмов, символизирующих объединение в целом и предназначенных для участия широких масс населения в общих ритуалах.

Переход от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной связан, как правило, с нестабильностью общества в период кризиса, вызванного как внутренними, так и внешними обстоятельствами. В этих условиях как никогда требуется единство социума. Это достигается в том числе подчеркиванием, пусть и теоретическим, равенства всех членов коллектива, распространением общих культов и связанных с ними коллективных ритуальных действий, героизацией прошлого и богатырей (батыров), ставших на защиту своего рода, племени, народа.

Вторая половина IV в. до н. э. на Южном Урале — это время апогея аридизации,³⁴ массовых передвижений южноуральских кочевников как внутри региона, так и за его пределы, возросшей военизации общества, вызванной как внутренними, так и внешними факторами. Это время неосознанной смены политико-экономической стратегии, завершившейся к концу IV — началу III в. до н. э. Археологическим проявлением перехода к новой стратегии как раз и выступают кардинальные изменения в погребальной обрядности.

Alexander D. Tairov

Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: tairov55@mail.ru

NATURAL AND CLIMATIC CRISIS OF THE 4TH BC AND THE CHANGE OF THE SOUTHERN URAL NOMADS' POLITICAL AND ECONOMIC STRATEGY

A political and economic strategy is one of the forms of social adaptation to external conditions unconsciously or consciously adopted in the society. There are two main political and economic strategies in all types of societies from states to groups and at different levels of social integration (from households and above): network and corporate ways. But only one of them can dominate

³¹ См.: Ibid. P. 39; A Dual-Processual Theory... P. 6; Уасон П., Балдиа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 227.

³² См.: Feinman G. M. The Emergence of Inequality... P. 264; Idem. Corporate/Network. New Perspectives... P. 31, 35; A Dual-Processual Theory... P. 3; Ковалевски С. Указ. соч. С. 176, 177.

³³ Характеризуя корпоративную стратегию, Г. Фэйнман отмечает, что у населения долины Оахака все дома были сделаны из сопоставимых материалов (земля и тростник), а самые сложные захоронения были просто выложены камнями и содержали лишь несколько экзотических подношений (Feinman G. M. The Emergence of Inequality... P. 267; Idem. Corporate/Network. New Perspectives... P. 37).

³⁴ См.: Природная среда волго-уральских... С. 162.

under specific historical conditions. The adopted political and economic strategy may be clearly seen in the funeral ritual of the society. The archaeological indicators of the network strategy are one-grave kurgans, monumental burial structures, a magnificent burial rite, a wealth of grave goods, including a large number of precious objects, a significant number of “priestly” burials of various ranks. The indicators of the corporate strategy are the multi-burial mounds, the absence of large burial structures, the simplicity and standardization of burial structures, rituals and grave goods. The main efforts of society are directed at the construction of monumental public buildings, primarily sanctuaries and temples, which symbolized the community as a whole. A dramatic change in the funeral ritual may also reflect a change in political and economic strategy. The transformation of the funeral ritual among the nomads in the Southern Urals, which took place in the Early Sarmatian time, records a change in the political and economic strategy. The transition from the network strategy that dominated from the second half of the 6th — the late 5th centuries BC to the corporate strategy ends in the late 4th — early 3rd centuries BC. This change in the political and economic strategy was due to the sharply increased instability of society during the environmental crisis in the 4th century BC caused by an abrupt aridification.

Keywords: *Southern Urals, Early Nomads, political and economic strategy, burial rite*

REFERENCES

- Blanton R. E., Feinman G. M., Kowalewski S. A., Peregrine P. N. A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology*, 1996, vol. 37, no. 1, pp. 1–14. DOI: 10.1086/204471 (in English).
- Demkin V. A., Ryskov Ya. G. [About paleosol survey of the Pokrovka 2 and Pokrovka 8 mound groups in 1992]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Mounds of the left-bank Ilek]. Moscow: IA RAN Publ., 1993, iss. 1, pp. 56–68. (in Russ.).
- Demkin V. A., Skripkin A. S., Eltsov M. V. et al. *Prirodnaya sreda volgo-ural'skikh stepey v savromato-sarmatskuyu epokhu (IV v. do n. e. — IV v. n. e.)* [Natural environment of the Volga-Ural steppes during Savromatian-Sarmatian epoch (VI C. BC — IV C. AD)]. Pushchino: IFKHiBPP RAN Publ., 2012. (in Russ.).
- Feinman G. M. Corporate/Network. New Perspectives on Models of Political Action and the Puebloan Southwest. *Social Theory in Archaeology*. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2000, pp. 31–51. (in English).
- Feinman G. M. The Emergence of Inequality. A Focus on Strategies and Processes. *Foundations of Social Inequality*. New York: Plenum Press, 1995, pp. 255–279. (in English).
- Glushko E. V. [Cyclicality of landscape formation in the South Aral Sea region in the Holocene]. *Geografija i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 1996, no. 4, pp. 30–37. (in Russ.).
- Gol'eva A. A., Khokhlova O. S. [Peculiarities of soils buried under kurgans in the South of Orenburg oblast (data of biomorph analysis)]. *Pochvovedenie* [Eurasian Soil Science], 2004, no. 4, pp. 415–423. (in Russ.).
- Golieva A. A., Khokhlova O. S. [Anthropogenic violation of the soils under the early nomads' burial mounds]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], 2004, no. 1, pp. 81–87. (in Russ.).
- Gutsalov S. Yu. [Cultic complex on the Mount Zhilantau]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], 1998, no. 1, pp. 138–151. (in Russ.).
- Gutsalov S. Yu. [Steles and anthropomorphic sculptures of the Early Iron Age of the Southern Urals and Ustyurt]. *Problemy kul'turogeneza narodov Volgo-Ural'skogo regiona: Materialy mezhregion. nauch. konf.: K 25-letiyu Muzeya arkheologii i etnografii IEI UNTs RAN* [Problems of cultural genesis of the societies of the Volga-Ural region: Proceedings of the interregional sci. conf.: On the 25th anniversary of the Museum of Archaeology and Ethnography, IEH USC RAS]. Ufa: UNTs RAN Publ., 2001, pp. 22–27. (in Russ.).
- Ivanov I. V. [Place of the Sarmatian epoch in the system of landscape and climatic changes of the Holocene]. *Problemy istorii i kul'tury sarmatov. Tezisy dokladov mezhdunar. konf.* [Problems of the history and culture of the Sarmatians. Abstracts of reports of the international conf.]. Volgograd: VolGU Publ., 1994, pp. 85–87. (in Russ.).
- Ivanov I. V. [The dynamics of atmospheric moisture and the evolution of soils in the arid region of the temperate zone of Northern Eurasia in the Holocene]. *Pochvennyye protsessy i prostranstvenno-vremennaya organizatsiya pochv* [Soil processes and spatio-temporal organization of soils]. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 7–34. (in Russ.).

- Ivanov I. V., Chernyanskii S. S. [General Regularities in the Development of Chernozems in Eurasia and Evolution of Chernozems in the Trans-Uralian Region]. *Pochvovedenie* [Eurasian Soil Science], 1996, no. 9, pp. 1045–1055. (in Russ.).
- Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., Golieva A. A. [The use of paleosoil science methods in the study of burial mounds by the Ilek expedition in the south of the Orenburg region]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg: Pechatnyy dom "Dimur" Publ., 1999, iss. 3, pp. 217–231. (in Russ.).
- Klepikov V. M. [Formation of the Early Sarmatian culture in the Lower Volga region]. *Regional'nyye osobennosti rannesarmatskoy kul'tury: materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Regional features of the Early Sarmatian culture: seminar proceedings of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd: VolGU Publ., 2007, iss. 2, pp. 37–58. (in Russ.).
- Klimenko V. V. [Climate and history from Confucius to Muhammad]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost* [Vostok (Oriens)], 2000, no. 1, pp. 5–32. (in Russ.).
- Klimenko V. V. [Climate and history in the era of the first high cultures (3500–500 BCE)]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost* [Vostok (Oriens)], 1998, no. 4, pp. 5–24. (in Russ.).
- Klimenko V. V., Klimanov V. A. [Cold climate of the Early Subatlantic Age in the Northern Hemisphere]. *Doklady Akademii nauk* [Doklady Earth Sciences], 2003, vol. 391, no. 3, pp. 393–397. (in Russ.).
- Kollektsii Filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arkheologii i etnografii IEI UFITs RAN: catalog* [Collections of the Filippovka kurgans from the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography IER UFRC RAS: catalog]. Ufa: Kitap Publ., 2018. (in Russ.).
- Kowalewski S. [Cyclic transformations in North American prehistory]. *Al'ternativnyye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilization]. Moscow: Logos Publ., 2000, pp. 171–185. (in Russ.).
- Masanov N. E. [Evolution of the nomadic economic and cultural type and the problem of ethnogenesis of the Kazakh people]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR], 1987, no. 8, pp. 27–30. (in Russ.).
- Morgunova N. L., Kuptsov E. A. [Ring sanctuary of the Sarmatian culture near the Perevolotskiy village]. "Evraziyskiy perekrestok". *Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh meropriyatiy* ["Eurasian crossroads". Proceedings of scientific and practical events]. Orenburg; Bishkek: OOO IPK "Universitet" Publ., 2018, iss. 9, pp. 19–29. (in Russ.).
- Morgunova N. L., Kuptsov E. A. [The study of the sanctuary ring of the Sarmatian culture in the Perevolotskiy village (preliminary results)]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzheniye: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiyem) nauch. konf.* [Ethnic interactions in the South Urals. Sarmatians and their entourage: materials of the 7th All-Russian (with international participation) Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OGBUK "Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala" Publ., 2017, pp. 80–85. (in Russ.).
- Moshkova M. G. [Religious constructions of the Lebedevsky burial ground]. *Drevnosti Evrazii v skifosarmatskoye vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 196–201. (in Russ.).
- Myshkin V. N., Skarbovenko V. A., Khokhlov A. A. [Nomads of the Samara Volga region in the second half of the 1st millennium BC]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV mezhdunar. konf. "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [Early Sarmatian culture: formation, development, chronology: Proceedings of the 4th international conf. "The Aspects of Sarmatian Archaeology and History"]. Samara: SNTs RAN Publ., 2000, iss. 1, pp. 71–84. (in Russ.).
- Olkhovskiy V. S. [Ancient sanctuaries of Ustyurt: contact and conflict of cultures]. *Nauka v Rossii* [Science in Russia], 1997, no. 6, pp. 67–75. (in Russ.).
- Olkhovskiy V. S. [Stone temples of Ustyurt]. *Nauka v Rossii* [Science in Russia], 1999, no. 4, pp. 70–77. (in Russ.).
- Olkhovskiy V. S., Galkin L. L. [Cultic complex on Ustyurt (preliminary report)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1990, no. 4, pp. 196–206. (in Russ.).
- Pshenichnyuk A. Kh. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BC in the South Urals] Ufa: IYAL UNTs RAN Publ., 2012. (in Russ.).
- Ryskov Ya. G. *Rekonstruktsiya istorii razvitiya pochv i prirodnoy sredy stepnogo Predural'ya v golotsene (s ispol'zovaniyem metodov geokhimii stabil'nykh izotopov): Avtoref. kand. diss.* [Reconstruction of the

history of the development of soils and the natural environment of the steppe Cis-Urals in the Holocene (via methods of geochemistry of stable isotopes): Abst. Diss. Cand.]. Pushchino, 1996. (in Russ.).

Samashev Z., Ongar A., Oralbay E., Kiyasbek G. *Khram-svyatilishche Kyzyluiyk* [Temple-sanctuary Kyzyluiyk]. Astana: Izdatel'skaya gruppa TOO "Arkheologiya" Publ., 2011. (in Russ.).

Smirnov K. F., Popov S. A. [Sarmatian sanctuary of fire] *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Antiquities of Eastern Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 210–216. (in Russ.).

Sreda obitaniya cheloveka v golotsene po dannym izotopno-geokhimicheskikh i pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy (Evropeyskaya chast' Rossii) [Human habitat in the Holocene according to isotope-geochemical and soil-archaeological research (European part of Russia)]. Moscow: Institut geografii RAN Publ., 2002. (in Russ.).

Tairov A. D. [Ethno-cultural processes in the South Uralian steppes in the second part of the 5th–4th CC. BC]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2006, no. 1, pp. 71–78. (in Russ.).

Tairov A. D. [Nomads of Southern Urals in the Central Asia at the time of Aleksandr the Great]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.). Materialy X Mezhdunarod. nauch. konf. "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC —AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conf. "The Aspects of Sarmatian Archaeology and History"]. Simferopol: Fond "Naslediye tysyacheletiy" Publ., 2019, vol. 5, pp. 267–271. (in Russ.).

Tairov A. D. [Nomads of the Southern Trans-Urals and "Sarmatians" of Central Asia]. *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Vseross. (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauch. konf. "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii", Ufa, 12–15 maya 2014 g.* [Sarmatians and the outside world: Proceedings of the 8th All-Russian (with international participation) sci. conf. "The Aspects of Sarmatian Archaeology and History", Ufa, May 12–15, 2014]. Ufa: IYal UNTs RAN, Tsentr "Naslediye" Publ., 2014, pp. 223–234. (in Russ.).

Tairov A. D. *Izmeneniya klimata stepey i lesostepey Tsentral'noy Evrazii vo II–I tys. do n. e.: Materialy k istoricheskim rekonstruktsiyam* [Changes in the climate of the steppes and forest-steppes of Central Eurasia in the 2nd–1st millennium BC: Materials for historical reconstructions]. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 2003. (in Russ.).

Tairov A. D., Gutsalov S. Yu. [On the genesis of anthropomorphic stone statues of the Aral-Caspian region]. *Materialy po arkheologii Volgo-Don'skikh stepey* [Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes]. Volgograd: VolGU Publ., 2001, iss. 1, pp. 161–168. (in Russ.).

Tairov A.D. [The Aral-Caspian nomads and Horezm in 5th–4th centuries BC]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 10. Vostokovedeniye. Evraziystvo. Geopolitika* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series 10. Oriental studies. Eurasianism. Geopolitics], 2005, no. 1 (5), pp. 53–63. (in Russ.).

Vainberg B. I. *Etnogeografiya Turana v drevnosti. VII v. do n. e. — VIII v. n. e.* [Ethnogeography of Turan in antiquity. 7th century BC — 8th century AD]. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN Publ., 1999. (in Russ.).

Wason P., Baldia M. [Religion, communication and genesis of complex social organization in Neolithic Europe]. *Al'ternativnyye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilization]. Moscow: Logos Publ., 2000, pp. 219–234. (in Russ.).

Yablonsky L. T. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). Katalog kolleksii* [The Sarmatian chiefs' gold. Elite necropolis Filippovka 1 (based on materials from excavations in 2004–2009). Collection catalog]. Moscow: IA RAN Publ., 2013, book 1. (in Russ.).

Yagodin V. N. [Archaeological study of the Kaskazhol and Berniyaz burial mounds in Ustyurt]. *Arkheologiya Priaral'ya* [Archaeology of the Aral Sea region]. Tashkent: Fan Publ., 1982, iss. 1, pp. 39–81. (in Russ.).

Yagodin V. N. [Arrow-shaped layouts of Ustyurt (experience of historical and cultural interpretation)]. *Arkheologiya Priaral'ya* [Archaeology of the Aral Sea region]. Tashkent: Fan Publ., 1991, iss. 5. (in Russ.).

Yagodin V. N. [Horezm and the Early Nomads of Ustyurt]. *Antichnaya kul'tura Sredney Azii i Kazakhstana: Tezisy dokladov Vsesoyuznogo nauchnogo soveshchaniya* [Antique culture of Central Asia and Kazakhstan: Abst. of the All-Union Sci. Meeting]. Tashkent: Fan Publ., 1979, pp. 37–38. (in Russ.).

Yagodin V. N. [On the question of the "Savromat" migration of the 6th–5th centuries BC to the southeastern Ustyurt]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urals* [Ethnic interactions in the South Urals]. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 2013, pp. 178–193. (in Russ.).

Zhelezchikov B. F. [Analysis of Sarmatian burial sites of the 4th–3rd centuries BC]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii* [Statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia]. Moscow: IA RAN Publ., 1997, iss. II: Early Sarmatian culture, pp. 46–130. (in Russ.).